

Откуда во Дворце Небесного Начала прознали, что он здесь? Путь ведь был надежно укрыт. Неужели...

Размышления Цинь Шо прервал свист рассекаемой стали. Клинок пронесся у самого уха. Перехватив рукоять обратным хватом, он заблокировал удар, но не успел коснуться земли и перевести дух, как справа сверкнула белая вспышка — еще один клинок шел наперерез.

— Отдай Фонарь Сбора Душ, и Дворец Небесного Начала сохранит тебе жизнь!

Два голоса слились в один, когда острое клинка замерло всего в паре цуней от шеи Цинь Шо. Резкий порыв ветра, поднятый взмахом клинка, рассек кожу. Тонкий порез отозвался острой болью, и воротник быстро окрасился багрянцем.

Но даже теперь Цинь Шо не собирался уступать. Он уклонился и, отражая следующий выпад, процедил сквозь зубы:

— Пусть хоть сам Дворец Небесного Начала... Вам меня не подчинить!

Защитный барьер отсекающий шум — проулок превратился в обособленный мир, где без умолку звенела сталь. Нападавшие бились насмерть. Сила Цинь Шо превосходила их возможности, но сражаться сразу с двумя противниками было тяжело. Медленно, шаг за шагом, его теснили в тупик.

Оба преследователя едва достигли начальной стадии Зарождающейся Души, однако действовали слаженно, словно заучили каждое движение. Один отвлекал Цинь Шо спереди, а второй выжидал момент для удара в спину. Если так пойдет и дальше, силы быстро иссякнут.

Старые раны еще не затянулись, а новые уже давали о себе знать. К горлу подступила горячая кровь. Сплюнув багровую пену, Цинь Шо понял: медлить нельзя. Забыв о боли, он задействовал духовные силы и взмыл на крышу. Прижимая к груди драгоценный мешочек, он помчался прочь, стараясь держаться подальше от оживленных мест, и замелькал среди заброшенных усадеб.

Преследователи не отставали. Понимая, что находятся в мире смертных, они приглушили сияние своей духовной энергии, чтобы не привлекать лишнего внимания.

Скрыться ясным днем куда сложнее, чем под покровом ночи. Расстояние сокращалось, пульс учащался, отдаваясь глухими ударами в ушах. Мир вокруг будто замер, остался лишь этот бешеный ритм в груди. Цинь Шо понимал: попадись он им, простым изъятием Фонаря Сбора Душ дело не ограничится.

Дворец Небесного Начала никогда не щадил тех, кто посягнул на его доброе имя.

Оказавшись на крыше последней полуразрушенной усадьбы, Цинь Шо решил на уловку. Он достал купленный недавно талисман марионетки, смял его и пустил по бумаге духовное пламя. В то же мгновение перед ним возник двойник — точная копия его самого. Переглянувшись, они бросились врассыпную.

Преследователи замерли на мгновение. Оценив обстановку, один из них крикнул:

— Разделяемся! За ними!

Направляясь к повозке, Цинь Шо ощутил, что хвост поредел — за ним шел лишь один противник. Напряжение немного спало. Он спрыгнул на землю, окончательно скрыл эманации ци и затерялся в пестрой уличной толпе.

Однако стоило ему завидеть стоящий впереди экипаж и приготовиться отправить мысленное послание Сун Ваньчэню, как кто-то со всего маху врезался в него. Земля ушла из-под ног. В глазах помутилось, и из-под полы одежды на мостовую с глухим стуком что-то вывалилось.

Прохожие тут же обступили его, и среди них Цинь Шо заметил своего преследователя из Дворца Небесного Начала.

— Ох, батюшки!.. Молодой господин, да вы весь в крови! Шея порезана! Скорее зовите лекаря!

— Неужто на разбойников нарвался?

— Да какие в нашем захолустье разбойники? Учжэнь бог весть сколько лет в запустении стоит. Верно, старые счета сводят.

Шепот и приглушенные вздохи слились в сплошной гул, в голове у Цинь Шо невыносимо звенело. Опираясь на верный Меч Сокровенного Света, он с трудом поднялся на ноги. Заклинатель из Дворца Небесного Начала не сводил с него хищного взгляда, но вмешиваться не спешил, опасаясь раскрыть себя перед толпой смертных.

Долго это противостояние продолжаться не могло. Если вернется второй преследователь, беды не избежать — тогда и след повозки будет раскрыт.

И тут тишину нарушил звонкий голос, донесшийся откуда-то справа:

— Брат Цинь! Ты как здесь оказался?

Обернувшись, Цинь Шо увидел Цзян Юэ, который вел на поводке маленького угольно-черного песика. Сердце ушло в пятки: если Дворец Небесного Начала заметит их вместе, юношу тоже сочтут соучастником. Цинь Шо уже открыл рот, чтобы предостеречь его, но краем глаза

заметил, что преследователь бесследно исчез.

Он растерянно огляделся по сторонам, но так и не смог обнаружить врага в толпе. Если бы не дергающая боль от свежего пореза на шее, он решил бы, что все это ему померещилось.

— Не обращай на них внимания, идем к повозке, — Цзян Юэ заслонил его от любопытных взглядов и, крепко взяв за руку, увлек за собой сквозь толпу. Его решительный силуэт на мгновение показался Цинь Шо до боли знакомым — точь-в-точь как у Цзинь Вэйли когда-то. На секунду он забылся, но тут же напомнил себе: перед ним совсем другой человек.

Но едва они добрались до места встречи, как прямо у подножки экипажа Цинь Шо замер. Ледяной ужас сковал тело. Он порывисто опустил ладонь под полы одежд — там было пусто. В голове оглушительно зазвенело. Вспомнив внезапное исчезновение врага, он в один миг все понял.

— Мешочек... Мой мешочек с сокровищами пропал! Нужно вернуть его! — его голос сорвался на дрожь.

Стиснув рукоять Меча Сокровенного Света, Цинь Шо развернулся, готовый броситься назад, но из полумрака повозки протянулась рука Сун Ваньчэня. Он мертвой хваткой вцепился в его запястье и точным ударом заблокировал акупунктурные точки. В мгновение ока Цинь Шо оказался внутри повозки. Едва Цзян Юэ заскочил следом, как бессмертный бросил вознице:

— Все в сборе. Гони в Императорскую столицу.

Внутри кареты Сун Ваньчэнь крепко прижал Цинь Шо к себе, лишая возможности пошевелиться. Быстро перевязав порез на шее, он негромко произнес:

— Не вздумай разгонять духовную силу. Через пол-шичэня пути спадут сами. Ты слишком безрассуден, я не мог позволить тебе совершить глупость.

Цинь Шо, лишенный дара речи из-за заблокированной немой точки, не мог издать ни звука. Ему оставалось лишь яростно сверкать покрасневшими глазами.

* «Да и что плохого, если Фонарь Сбора Душ вернется к ним? — зазвучал в его сознании тихий голос Сун Ваньчэня. — Это изначально вещь Дворца Небесного Начала, пусть распоряжаются ею как знают. Не взваливай на себя чужую ношу. Неужели ты и впрямь надеешься вернуть его к жизни с помощью этого артефакта?»*

Объятия бессмертного стали еще крепче, а дыхание, коснувшееся уха, сделалось горячим. Их близость выглядела настолько двусмысленной, что сидевший напротив Цзян Юэ не выдержал и подал голос:

— К чему эти тиски? Дайте ему хоть вдохнуть нормально.

— Тебя это не касается, — холодно отрезал Сун Ваньчэнь. Каждое его слово так и веяло стужей. — Мы едем в одну сторону, не более того. Мы тебе не друзья.

Цзян Юэ пропустил его выпад мимо ушей и обратился к Цинь Шо:

— Брат Цинь, неужели то, что лежало в мешочке, настолько ценно?

Заметив, как побледнел Цинь Шо, Сун Ваньчэнь смиловился и вернул ему подвижность, после чего равнодушно добавил:

— От этого артефакта все равно мало толку, даже останься он у тебя. Потерял и потерял. Столько времени прошло — его уже не вернуть, так к чему теперь сокрушаться?

После этих слов у Цинь Шо окончательно пропало желание разговаривать. Он понуро опустил голову и замолчал. Если до этого он не мог произнести ни слова, то теперь попросту не хотел.

Но в самый разгар его безмолвного отчаяния, когда весь мир казался постылым, Цзян Юэ осторожно коснулся его плеча и прошептал:

— Брат Цинь, не грусти. Взгляни-ка на дорогу.

Цинь Шо не понял, к чему тот клонит, и поднял взгляд на колышущуюся занавеску кареты, но ничего не разглядел. И тут снаружи донесся ошеломленный возглас возницы:

— Пресвятые угодники! Откуда взялась эта псина? Летит как стрела!..

Занавеска взметнулась, и в салон ворвался маленький угольно-черный комок. Цюцю юркнул к ногам хозяина и с победным видом бросил на пол свою ношу. Это был тот самый пропавший мешочек.

Цинь Шо затаил дыхание, не веря собственным глазам. Он перевел изумленный взор на Цзян Юэ.

Тот ласково потрепал песика по голове и самодовольно вздернул подбородок:

— Ну что, брат Цинь, говорил я тебе, что ты не пожалеешь, если возьмешь нас с Цюцю с собой!

Круглый и пушистый, словно оживший уголек, черный песик гордо завилял хвостом. Он был куда меньше обычных собак, но отличался удивительной упитанностью, так что при каждом

шаге его блестящая шерстка забавно топорщилась.

Цинь Шо бережно подобрал мешочек и дотошно осмотрел его содержимое. Убедившись, что все артефакты на месте, он наконец облегченно перевел дух. Спрятав пропажу обратно за пазуху, он искренне произнес:

— Спасибо... Я и надеяться не смел, что получу его назад. Цзян Юэ, я твой должник. Если бы не ты...

Сун Ваньчэнь лишь окинул юношу задумчивым взглядом, но смолчал.

— Пустяки, не стоит благодарности, — Цзян Юэ со смехом потрепал песика за ухом. — Наш Цюцю — прирожденный ищейка. Пусть он крохотный, зато бегают быстрее ветра. Видно, у всех помесей духовных зверей так: один какой-нибудь дар развит на славу, а вот нрав — сущая беда. Если вовремя не перепадет мясная косточка, этот паршивец примется выть на всю комнату, хоть уши затыкай.

Разговор потек в непринужденном русле. Пытаясь отвлечь Цинь Шо от мрачных мыслей, Цзян Юэ без умолку рассказывал забавные истории о своем питомце. Напряжение в карете улеглось, и Цинь Шо увлеченно слушал его болтовню.

— Вообще-то, раньше Цюцю принадлежал не мне, — голос Цзян Юэ вдруг приутих, в нем зазвучали грустные нотки. — До моих шести лет он всюду следовал за моим старшим братом. Но потом в Императорской столице случилась беда, и нам пришлось...

Договорить он не успел. Экипаж резко качнуло, и колеса со скрипом замерли. Снаружи раздался испуганный вздох возницы. Тот, дивясь невиданному зрелищу, пробормотал:

— Ну и чудеса... Средь бела дня в гору едем, а навстречу — свадебные носилки. Откуда им тут взяться?

Цинь Шо, едва удержав равновесие при резкой остановке, нахмурился. Он собирался было отодвинуть занавеску и выглянуть наружу, как вдруг из лесной глуши донеслись резкие звуки соны. С каждым мгновением грохот гонгов и треск барабанов становились все отчетливее, неумолимо приближаясь к дороге. Ледяной порыв ветра распахнул кожаную шторку экипажа, и в ту же секунду из-под сухих корней старого дерева прямо под колеса кареты выкатился маленький плетеный шарик из сухих лоз.

И тут же над самым его ухом вновь прозвучал тот самый тихий, жалобный детский лепет, что преследовал его вчера в темном закоулке:

«Братик...»

<http://bllate.org/book/20094/1998521>